

К ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 22

15 НОЯБРЯ

1910 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Слб., Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 297-55.

Безобразова М. В. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Бьялевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушкинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунк. Цѣна 25 к.

Кэрроль Льюисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая кнѣга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэкъ. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахіева-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунк. Изданіе 2-е. Ц. въ папкѣ 80 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Первое Апрелья». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Соловьева П. С. «Чудесная ночь». Пьеса въ стихахъ. Ц. 20 к.

Шапиръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Allegro. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ
только въ томъ случаѣ, если книга выписывается не хенѣ, чѣмъ за 1 р.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣляется уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. книгоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

Ноябрь № 22.

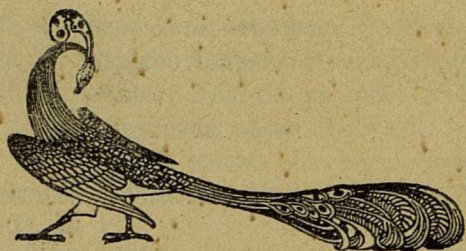

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИКЪА.

Содержаніе.

1. Кончина великаго русскаго писателя Льва Николаевича Толстого. (Съ портретомъ).
2. Первопутокъ—стихотвореніе *С. Городецкаго*.
3. Черный мельникъ—разсказъ *Евг. Иванова*. (Окончаніе).
4. Олимпійскія игры—профессора *М. И. Ростовцева*.
5. Цербетская принцесса—повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II—*Н. Манасеиной*.
6. На родинѣ первыхъ людей—*П. Инфантьева*. (Окончаніе).
7. Жизнь Хитролиса—*П. Соловьевой*. Рисунки *Рабье*.
8. Вѣсти отовсюду.
9. Народныя пословицы и поговорки на ноябрь.
10. Загадка.

Левъ Николаевичъ Толстой.

Кончина великаго русскаго писателя Льва Николаевича Толстого.

28-го октября рано утромъ Левъ Николаевичъ Толстой вышелъ изъ своего дома въ имѣніи „Ясная Поляна“, ушелъ и не вернулся. Женѣ своей онъ оставилъ записку. Писалъ въ ней, что уходитъ, чтобъ измѣнить свою жизнь и просилъ не искать его. Извѣстіе объ этомъ всѣхъ поразило и взволновало не только въ Россіи, но и за границей. Всѣ безпокоились за Толстого, хотѣли узнать, куда онъ ушелъ.

Большинство людей одобряли его уходъ изъ дому, гдѣ онъ не могъ жить, какъ хотѣлъ.

Въ домѣ Толстыхъ была излишняя роскошь, Льва Николаевича осаждали посѣтители, любопытные, фотографы съ кинематографами. Вся жизнь проходила на глазахъ зрителей. Все это тяготило Толстого и, чувствуя приближеніе смерти, онъ хотѣлъ уйти отъ суеты житейской, побыть въ тишинѣ, на свободѣ, пожить для души.

Льва Николаевича сопровождалъ близкій другъ, докторъ Маковецкій.

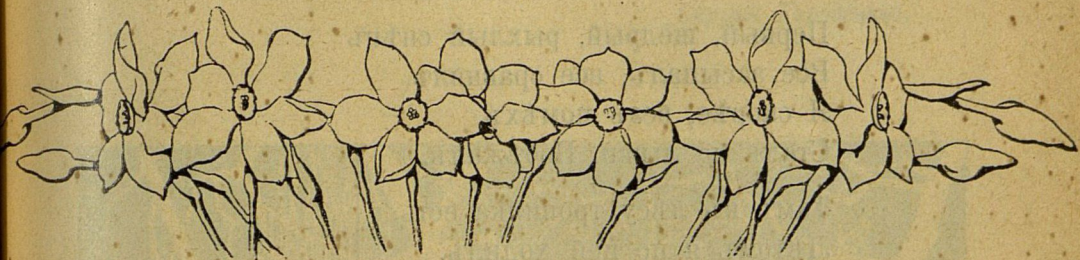
Сначала никто не зналъ, куда направился Толстой, но черезъ день всѣмъ стало извѣстно, что онъ провелъ сутки въ монастырѣ, у сестры своей Маріи Николаевны. Оттуда онъ выѣхалъ, чтобы отправиться дальше, но по дорогѣ, въ вагонѣ третьяго класса, простудился и заболѣлъ.

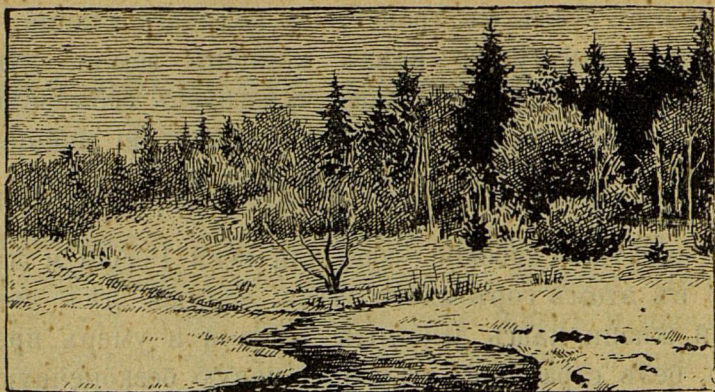
Его съ трудомъ уговорили высадиться на первой удобной станціи. Начальникъ станціи Астапово предложилъ ему комнату въ своей квартирѣ, и тамъ лежалъ Толстой, страдая воспаленіемъ легкихъ, въ жару, но въ полномъ сознаніи.

Весь міръ былъ въ тревогѣ за великаго старца.

Каждую минуту со всѣхъ концовъ земли получались телеграммы съ вопросомъ, какъ чувствуетъ себя великій писатель. Надѣялись, что онъ поправится, но сердце у Льва Николаевича ослабло, и 7-го ноября въ 6 ч. утра Толстой тихо скончался.

Его смерть—глубокое горе для всей Россіи и для всего міра, но въ этомъ горѣ много свѣта: великое дѣло совершилъ въ своей жизни нашъ любимый Толстой и умеръ прекрасной смертью, безъ страха, съ вѣрой въ новую безконечную жизнь.

Первопутокъ.

Посвящается Allegro.

Первый, щедрый, рыхлый снѣгъ
Все засыпаль, все сравняль.
Я скорѣе, безъ помѣхъ,
Сталь на лыжи. Побѣжалъ.

Тамъ въ лѣсу тропинка есть.
Лѣтомъ я по ней ходилъ.
Чтобъ жука найти и съѣсть,
Дятель елку тамъ долбилъ.

Бѣлка тамъ хвостомъ мела,
Пѣли птицы, мохъ шуршалъ.
А изъ теплаго дупла
Темной ночью сычъ кричалъ.

Очень долго я бѣжалъ
По оврагамъ, по горамъ.
Кувыркомъ не разъ леталъ
На смѣхъ зимнимъ воробьямъ.

Ужъ заря на небо шла,
Край небесный зажигать...
Вдругъ, судьба мнѣ помогла
Ту тропинку отыскать.

Ныли ноги и спина,
Сладко было отдохнуть.
Какъ ласкала тишина!
Какъ синѣлъ мой лыжный путь!

— Здравствуй!—тихо я сказалъ.
— Здравствуй!—скрипнулъ снизу снѣгъ:
— Въ эту зиму прибѣжалъ
Ты на лыжахъ раньше всѣхъ.

Сергѣй Городецкій.

Черный мельникъ.

(Окончаніе).

ЯКОВЪ Семенычъ, а Яковъ Семенычъ! Ты спишь, аль нѣтъ? На охоту пора: свѣтаетъ.

— Ладно,—сейчасъ подымусь.

— Какъ это мы домой-то попали вчера? Съ хмѣлю, что ли, никакъ припомнить не могу: да были мы на мельницѣ-то, аль нѣтъ?

— Были, коли спрашиваешь.

— А какъ вернулись?

— Значитъ вернулись, коли въ избѣ спимъ.

— Трезорка-то здѣсь ли?

— Здѣсь. Слышишь,—подъ кроватью сопить.

— Бѣжали мы съ мельницы-то, это я помню.

— Да что ты, съ чего намъ съ мельницы было бѣжать?

— Какъ съ чего? а Водяникъ-то изъ воды полѣзъ!

— Ну, братъ, совсѣмъ, вѣрно, ты не въ себѣ: какой тамъ Водяникъ, ничего не было: прибрѣдилось тебѣ.

Я промолчалъ, думаю, какъ тутъ спорить, и впрямь, можетъ, прибрѣдилось.

Поднялись мы, чайку попили, вышли изъ деревни, пса съ собой ведемъ: радъ бестія, утромъ не то что ночью,—веселѣе...

А утро было ранымъ-раннее, еще совсѣмъ сизое, какъ голубиное крыло; все кругомъ сизилось: и росный доль, и дальній лѣсъ, и посырѣвшая за ночь деревня, даже носы у насъ стали сизые отъ утренняго холодка.

Идемъ это мы къ лѣсу, а я и думаю, какъ бы это намъ

мельницу-то стороной обойти, чтобъ ненарокомъ „Черный мельникъ“ не повстрѣчался; увидить ружья, испортить охоту: ружье заговорить или у собаки нюхъ отнять; мало ль какъ съ дурного глаза можно охотникамъ навредить; лучше стороной обойти.

Вотъ, стали мы обходить мельницу догомъ. Идемъ это мы обходомъ, идемъ, и дерни тутъ нелегкая барина ружье для пробы разрядить.

„Ударилъ“ это онъ изъ стволовъ, а къ намъ тутъ изъ-за горюшки кто-то и выходитъ.

Да никакъ самъ мельникъ! Онъ и есть! Его образина косолапая! Мы-то изъ-за него крюка даемъ, а онъ на насъ такъ и наперъ. Экій колдунъ окаянный..

Я ужъ барину-то не говорю, кто такой намъ навстрѣчу идетъ; еще нагрубить, пожалуй, мельнику-то, тогда еще хуже; лучше ужъ добромъ, да миркомъ.

Что тутъ дѣлать?—раскланялись. Ружья-то не спрячешь, да и выстрѣлы слыхаль, вонъ, ухмыляется подь носъ себѣ.

— Поохотиться маленько собрались,—поясняю.

— Чтожъ,—говорить,—поохотьтесь, поохотьтесь; добро—поохотиться.

А самъ такимъ волкомъ на ружья глянулъ, что навѣрно тутъ намъ все дѣло и сглазилъ.

Раскланялись еще разокъ и разошлись.

Идемъ это мы, я и говорю барину:

— Яковъ Семенычъ, а вѣдь это нашъ „Черный мельникъ“ повстрѣчался, какъ бы съ охотой худу не быть.

— Чтожъ ты мнѣ раньше-то не сказалъ? Я бъ его пробралъ за шутовство за его.

— Ладно,—говорю,—баринъ, шутовство шутовствомъ, а только съ нимъ шутки плохи; небось забылъ, какъ мы вчера

на мельницѣ ночью благимъ матомъ орали, да опрометью бѣжали.

— Бредишь ты все, не выспался вѣрно, хмѣль въ головѣ сидитъ вчерашній; вотъ, чепуху и городишь, будто на мельницѣ перепугались. Все это тебѣ во снѣ привидѣлось...

И не переубѣдитъ его никакъ, что не во снѣ было, а наяву; такъ ужъ въ гимназіяхъ обучаютъ, чтобъ разныхъ страховъ не чудилось.

Идемъ, разговариваемъ, межъ тѣмъ совсѣмъ уже разсвѣло...

Утро изъ сизаго стало золотистымъ.

Потѣла земля; трава-мурава отъ росы ницъ полегла, ожидая солнца.

И вотъ,—солнце!

Изъ-за дальнихъ лѣсовъ и холмовъ, какъ изо мха, поднялось оно огромною шапкою золотого гриба, комомъ горящаго золота, и покатилося по небосклону, улыбаясь всѣму міру крещеному и некрещеному.

То-то заглядѣнье!

Да только не зѣвай! Вонъ на бугоркѣ къ намъ спинами разсѣлись три зайца, на солнце любятся; близѣхонько отъ насъ...

Ударили мы въ нихъ со всѣхъ стволовъ.

Громъ! дымъ, дымъ все заволокъ. Думаемъ, тутъ они всѣ трое сердечные и лежатъ, глядь, а косоглазые „чешутъ“ себѣ на костыляхъ своихъ къ лѣсу, во всѣ лопатки удираютъ: только на опушкѣ ушками намъ махнули на прощанье, поминай, какъ звали.

— Что, — говорю, — баринъ, кажись, начало-то не изъ важныхъ.

— Ладно, — говоритъ, — первый блинъ комомъ; успѣемъ настрѣляться.

Пошли по лѣсу; бродили, бродили, чуть не до полдня: нѣтъ никого, какъ метлой всю дичь вымело.

Устали здорово. Вдругъ, видимъ—Трезоръ насторожился: стойку дѣлаеть, ползкомъ ползеть, вынюхиваетъ: выводокъ, вѣрно, пожива!

Идемъ за псомъ, ступать боимся, не спугнуть бы. А, какъ на грѣхъ, въ ротъ къ барину муха попала: перхота душить начала... Онъ и такъ, и эдакъ ротъ затыкаетъ, чтобъ не раскашляться, а кашель-то рвется изъ нутра, какъ буравъ горло сверлитъ.

Не выдержалъ,дохнулъ, раскашлялся во всю. Изъ-подъ ногъ сорвалась стая куропатокъ. Растерялся я; хлопъ изъ ружья,—мимо, хлопъ—мимо.

А баринъ съ кашлемъ стрѣльнулъ да чуть въ пса не угодилъ. Съ досады о земь ружье бросилъ, прикладомъ на камень, прикладъ и раскололся; ну, какое же ружье безъ цѣлаго приклада: не нацѣлишься.

Побрели дальше. Трезоръ на насъ косится: эхъ, думаетъ, „горе охотники“.

Бродили, бродили, а ужъ время за полдень, обѣдать пора, проголодались сильно.

Ну, сѣли, закусили, чѣмъ Богъ послалъ; воды изъ ручья напились, изъ бутылочки для подкрѣпленія винца немножко хватили. Да только поднялись, глядимъ, что за чудо! Почитай изъ-за каждаго куста по зайцу на насъ глазѣютъ, слѣдятъ, значить, за нами, потѣшаются, въ лапы ухмыляются. Пальбу тутъ открыли мы страсть какую, ни въ кого не попадаемъ; кинулись гоняться за ними, а они убѣгать и не торопятся. За однимъ гонишься, а другіе сидятъ, да ухмыляются, лапкой усы расправляютъ.

И на грѣхъ Трезоръ куда-то запропастился.

Гонялись, гонялись, измучились совсѣмъ; еле ноги волочимъ. Ушли всѣ зайцы преспокойно, и никого не убили, не изловили, да Трезоръ еще пропалъ вдобавокъ.

— Ну, какъ, Яковъ Семенычъ? повѣрилъ, поди, теперь, что мельникъ-то нашъ чудодѣй и неудачу намъ наколдовалъ? Вся дичина лѣсная надъ нами потѣшается. Смистри, опять заяць!

И видимъ, пришелъ большущій заяць къ себѣ домой. Зайчиха изъ норы выскочила навстрѣчу; здравствуйте, пожалуйста, муженекъ дорогой. А онъ ей лопочеть что-то по-своему, по-заячьи, усами разводитъ и въ нашу сторону лапой кажетъ.

Видимъ, подпрыгнула зайчиха съ радости, дѣтей созвала, и всѣ въ припрыжку побѣжали по лѣсу куда-то въ сторону мельницы; вѣрно мельника благодарить, лапы ему свои для пожатія протягивать за то, что напортилъ онъ намъ охоту на потѣху звѣрю.

Что намъ тутъ дѣлать? Стрѣлять, а у насъ и патроны всѣ вышли.

— Чтожъ, — говорю, — баринъ, приляжемъ, отдохнемъ, а тамъ и домой пора; экая шельма Трезоръ, — запропастился: ну да ладно, придетъ.

Улеглись подъ деревомъ и заснули.

Просыпаемся, Трезоръ на насъ глазѣетъ и языкъ высунулъ; улыбается.

— Ты, Трезоръ, не очень-то зазнавайся! чего зубы скалишь, песья морда! — крикнулъ баринъ.

Трезоръ языкъ проглотилъ и зубы спряталъ. Сталъ серьезень, даже взгрустнулъ; ужъ больно барина-то своего побаивался.

Пошли домой, разговариваемъ.

— Ну что?—спрашиваю.

— То есть это на счетъ чего?

— Да на счетъ того, что вотъ какія встрѣчи бываютъ неудачныя; съ мельникомъ-то повстрѣчались, а онъ намъ всю охоту испортилъ.

— Глупости.

— А это тоже глупости, что въ лѣсу - то зайцы надъ нами потѣшались, и ничего мы имъ сдѣлать не могли?

— Да ты иль спятилъ съ ума, иль опять охмѣлѣлъ! Привидѣлось это тебѣ. Посмотри-ка бутылку - то свою, есть ли тамъ что?

— Нѣту; вѣрно, что все выпилъ.

— Ну вотъ, оттого тебѣ разныя чудеса и привидѣлись.

— А когда жъ мы патроны-то всѣ распатронили?

— Патроны раньше еще растеряли, какъ по лѣсу плутали.

— А Трезоръ развѣ не пропадалъ?

— Не думалъ пропадать: посмѣлъ бы онъ только пропасть.

Молча шли мы потомъ всю дорогу: усталые, сердитые, съ пустой сумой и сломаннымъ ружьемъ.

Сильно вечерѣло, когда пришли въ деревню.

Еще на бѣду нашу какъ разъ въ это время на деревнѣ сходъ былъ собравшись.

Галдѣли, орали, дѣла сельскія рѣшали.

Идемъ это мы мимо схода-то, думаемъ, какъ бы незаметно пройти, да не тутъ-то было, замѣтили.

— Эвона, наши идутъ! Много ль, баринъ, настрѣляли? Да что это, сумочки-то никакъ порожнія и ружьецо поломано? Ужъ не бѣда ль приключилась, не медвѣдь ли поломалъ?

— Бѣды, говорю, никакой нѣтъ, а что всякая дрянь съ дурного глаза выйти можетъ, это правда.

Тутъ кто повѣрилъ, а кто на смѣхъ поднялъ. „Горехотники“,—смѣются,—и безъ сглаза сплеховали, вотъ и все.

И вижу я, среди народа стоитъ нашъ мельникъ и ухмыляется на насъ.

Что тутъ съ бариномъ молодымъ сдѣлалось! Покраснѣлъ весь, подошелъ эдакъ вплотную къ мельнику—и какъ съ размаху хватъ его по лицу!

— Вотъ тебѣ, за что—самъ знаешь.

Вскрикнулъ старикъ, за голову схватился и, шатаясь, прочь къ лѣсу пошелъ.

— Баринъ! что ты сдѣлалъ?—крикнулъ сходъ.

— Мое дѣло, не ваше!

Повернулся и въ отцовскую избу ушелъ.

Стояли мы, и жутко, и нехорошо было отъ этого дѣла.

Кругомъ темнѣло; меркла заря, мигала въ вышинѣ звѣзда, и мѣсяцъ, еще не свѣтящій, но блещущій поднимался надъ лѣсомъ.

Смотрѣли, молча, какъ, уходилъ отъ насъ въ сумракъ старый мельникъ, но никто не пошелъ за нимъ,—вѣдь, считали его „чернымъ“ и колдуномъ.

Постояли, постояли и разошлись по домамъ.

Съ той поры „Чернаго мельника“ у насъ только и видѣли: пропалъ, и слѣдъ простылъ.

Исчезло съ нимъ все навожденіе лѣсное.

Въ ту же ночь прорвала вода старую плотину, сорвалось мельничное колесо, и рухнула старая мельница.

Осень и зиму валялись обломки, а къ веснѣ поправили плотину и новую мельницу построили,—самъ баринъ молодой хлопоталъ. Мѣсто наше ему больно полюбилось. По оврагу у Шетязи много онъ земли откупилъ. Дачь настроилъ у самой мельницы; лѣсъ весь у оврага порубилъ, а что оставилъ—

то повычистилъ и какъ бы въ паркъ превратилъ, чтобъ дачники тамъ разгуливали. Дачники живутъ и гуляютъ, потому чужка недалеко отъ насъ прошла, со станціи къ намъ близко ѣздитъ теперь.

На запрудѣ вмѣсто прежняго Водяного да русалокъ плаваютъ гуси да утки, питомцы толстой Маланьи, жены новаго мельника.

Пропало, пропало все навожденье лѣсное вмѣстѣ съ „Чернымъ“ мельникомъ.

Куда онъ ушелъ? Не туда ли, куда ушла Дрёма дремучихъ лѣсовъ, не во слѣдъ ли медвѣдямъ косматымъ-косолапымъ?

Вѣрно, какъ медвѣдь, выкопалъ тамъ себѣ берлогу и живетъ одинъ со звѣрьми.

Эхъ, лѣса наши, лѣса дремучіе! Бывало, взглянешь—съ холма-то на холмъ, что волны косматыя, переваливаются; въ гущевинѣ ихъ тишь лѣсная, глушь безлюдная. Теперь не то...

Евг. Ивановъ.

Олимпійскія игры.

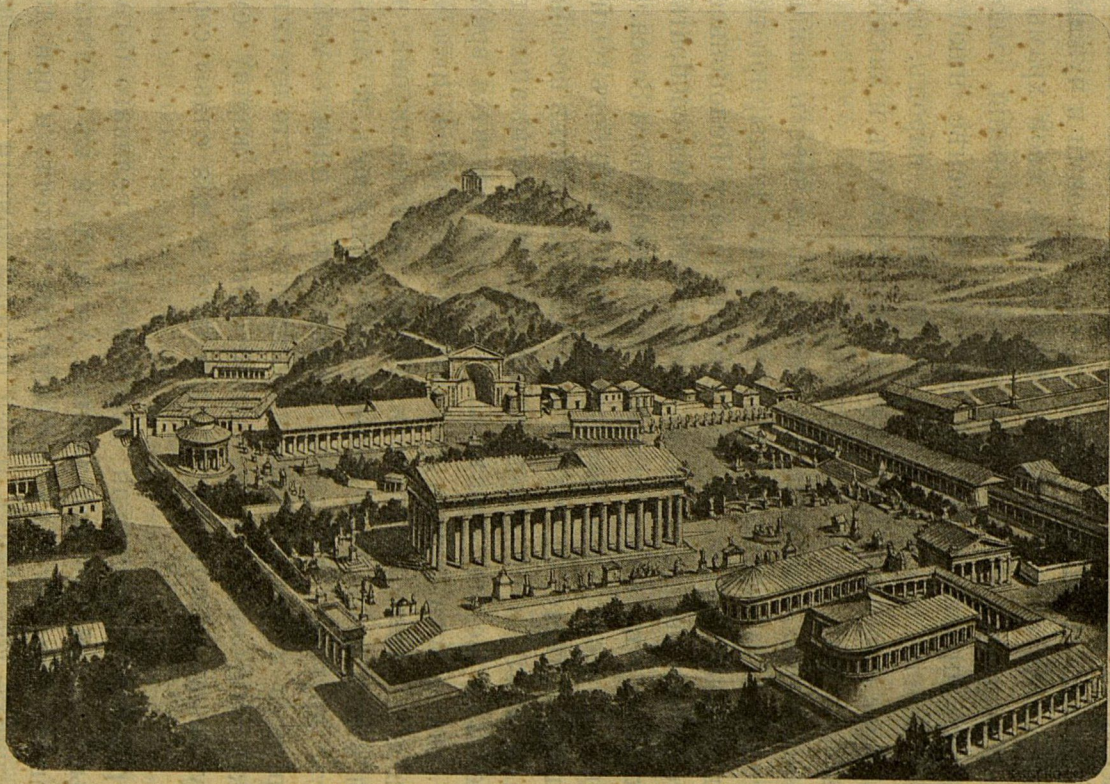
ЗА много сотъ лѣтъ до рожденія Христа, когда наши предки и предки европейскихъ народовъ—нѣмцевъ, французовъ, англичанъ одѣвались еще въ звѣриныя шкуры, жили охотой, рыбной ловлей и разведеніемъ скота, не знали ни искусства, ни письма, ни литературы, на югѣ Европы тамъ, гдѣ и теперь еще живутъ греки, кипѣла бойкая, яркая и красивая жизнь. Въ горахъ и долинахъ Греціи, около свѣтлыхъ и глубокихъ морскихъ заливовъ бирюзоваго Эгейскаго и темно-синяго Ионическаго моря, глубоко врѣзавшихся въ землю, одинъ за другимъ выросли города, окружались стѣнами. За этими стѣнами подымались богатые, свѣтлые, высокіе храмы, разбѣгались во всѣ стороны отъ главной площади улицы, на пло-

щади и въ храмахъ одна за другой ставились мраморныя и бронзовыя статуи, все болѣе и болѣе красивыя, все болѣе и болѣе близкія и радостныя человѣку; на площадяхъ шумѣлъ народъ, толкуя о своихъ дѣлахъ, устраивая свое государство, выбирая своихъ вождей, слушая поэтовъ, пѣвшихъ ему о былой жизни, о красотѣ міра, о величїи и силѣ боговъ, философовъ, говорившихъ ему о тайнахъ мірозданія и объ обязанностяхъ человѣка, ораторовъ, толковавшихъ ему, какъ лучше устроить свою государственную жизнь.

Вездѣ и повсюду, гдѣ только была плодородная земля, гдѣ только былъ хорошій камень, мѣдная или желѣзная руда, изъ которыхъ можно было дѣлать нужныя для людей и красивыя вещи, гдѣ удобно было снаряжать въ далекія страны корабли и нагружать ихъ трудами рукъ своихъ—оливковымъ масломъ, виномъ, красивыми и удобными предметами обихода, строились эти города, и все легче и лучше жилось въ нихъ людямъ. А когда въ стѣнахъ города становилось тѣсно, когда родная земля не въ силахъ была прокормить всѣхъ, и появлялась нужда и бѣдность, борьба и войны, предприимчивая и смѣлая молодежь на своихъ легкихъ судахъ пускалась въ море, въ далекія страны, на далекія и плодородные берега Средиземнаго моря, гдѣ много было еще тучной земли и мало людей, которые умѣли бы ею пользоваться.

На всѣхъ островахъ, на берегахъ Азіи и Африки, Италїи и Испанїи, у устьевъ нашихъ русскихъ великихъ рѣкъ и у подножїя Кавказа селились эти смѣлые люди, неся съ собою своихъ боговъ, свою звучную рѣчь, свои храмы и свою привычку жить въ небольшихъ крѣпкихъ и красивыхъ городахъ.

На тысячи городовъ разбился такимъ образомъ греческій народъ, и во всѣхъ нихъ кипѣла и билась своя милая и близкая горожанамъ жизнь. Свой городъ любилъ каждый грекъ

2

Рис. 1. Олимпія въ древности (возстановлена на основаніи сохранившихся развалинъ). Посрединѣ окруженной стѣнной площади храмъ Зевса, сзади него храмъ Геры, передъ нимъ за площадкой зданіе, гдѣ собирався совѣтъ, направо часть стадія, сзади храмъ Кроноса и передъ нимъ театръ.

больше всего на свѣтѣ и за него онъ готовъ былъ биться со своими близкими и далекими сосѣдями, со своими и чужими, грудью отстаивая свои стѣны, своихъ боговъ, свои храмы и своихъ согражданъ. Много было этихъ столкновений, много войнъ, много пролилось крови, но тѣмъ не менѣе никогда греки не забывали, что они всѣ все-таки одинъ народъ, одна нація, какъ бы много ни было отдѣльныхъ городовъ и какъ бы ни враждовали они другъ съ другомъ.

Особенно ярко сознавали это Греки, когда черезъ каждые четыре года изъ маленькой и слабой страны Элиды, пріютившейся въ уголку Греціи, на западномъ берегу Пелопоннеса, раздавался кличъ всѣмъ грекамъ, всѣмъ эллинамъ собираться на великія игры въ честь великаго греческаго бога Зевса. Во всѣ концы греческаго міра разсылалъ олимпійскій богъ (Олимпія называлось мѣсто, гдѣ чтили бога элейцы) своихъ пословъ, они шли и ѣхали и въ далекую Сицилію, и въ ближайшіе города Греціи и всѣмъ возвѣщали они, что близится время, когда у храма бога будетъ состязаться вся Греція, ища милости Зевса и славы побѣдителя. И еще возвѣщали они, что на время этихъ игръ богъ запрещаетъ враждовать и биться другъ съ другомъ, требуетъ, чтобы миръ царилъ между всѣми греками и чтобы никто не обижалъ тѣхъ, кто пустится въ далекій или близкій путь, чтобы принести жертву ему, великому Зевсу, и потрудиться для него и для славы своей родины.

Съ радостью принимали вездѣ пословъ великаго бога: и въ гордыхъ своей свѣтлой жизнью Аѣинахъ, и въ желѣзной воинственной Спартѣ, и въ роскошномъ Милетѣ, и при дворахъ могучихъ городскихъ царей богатой конями Сициліи. И всюду откликались на зовъ бога, снаряжали молодежь для участія въ состязаніяхъ, снаряжали посольства съ дарами

богу, снаряжали горячихъ коней для великихъ конныхъ ристаній.

Съ весны вся Греція жила лихорадочной жизнью, въ каждой семьѣ только и говорили о томъ, кто же будетъ побѣдителемъ, кого увѣнчаетъ великій богъ лавровымъ вѣнкомъ, кому удастся видѣть своими глазами славу родного города.

Всю весну и все лѣто везли корабли къ берегамъ Элиды заморскихъ гостей, паломниковъ и участниковъ состязаній, шли и ѣхали по горнымъ дорогамъ старики и дѣти, юноши и дѣвушки. Всѣ они стремились къ старому алтарю великаго Зевса, къ холму древняго Кроноса, отца Зевса, къ играмъ, которыя учредилъ великій сынъ великаго бога, мужественный и сильный, благородный страстотерпецъ на благо людей—могучій Гераклъ.

И оживала въ эти мѣсяцы пустынная до того Олимпія, чистились и украшались храмы и алтари, подготавливались площади для людскихъ и конскихъ состязаній, устраивался пріютъ для почетныхъ гостей.

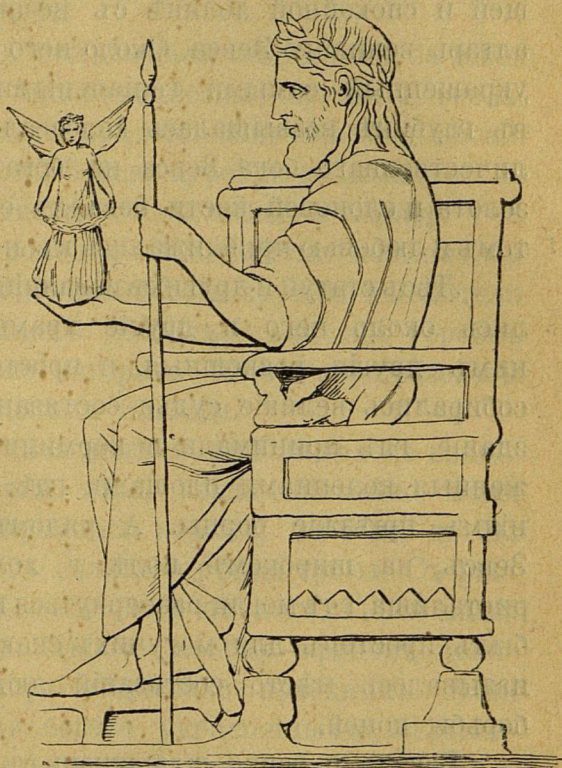

Рис. 2. Статуя Зевса работы Фидія въ храмѣ Зевса въ Олимпіи (статуя въ оригиналѣ не сохранилась, изображенія ея имѣются на древнихъ монетахъ Элиды).

Прекрасно было то мѣсто, куда стремилась вся Греція. Среди платановыхъ и оливковыхъ рощъ, на берегу двухъ многоводныхъ рѣкъ, у подножія лѣсистаго холма, въ цвѣтущей и спокойной долинѣ съ незапятнанныхъ временъ стоялъ алтарь великаго Зевса. Около него рано выросъ большой храмъ, украшенный самыми геніальными художниками Греціи, гдѣ въ глубинѣ возвышалась колоссальная статуя ласковаго и величественнаго бога Зевса на богатомъ тронѣ. Изъ мрамора, золота и слоновой кости изваялъ ее великій Фидій; съ трепетомъ и любовью приближались къ ней восхищенные паломники.

Лѣсъ статуй и другихъ изваяній окружалъ домъ бога, толпились около него и другіе храмы, возвышались рядомъ съ нимъ другія роскошныя и просторныя зданія: и зданіе, гдѣ собирались великіе судьи состязаній со своимъ совѣтомъ, и зданіе, гдѣ принимали и кормили почетныхъ гостей, и окруженныя колоннами площади, гдѣ подготавливались къ состязаніямъ пріѣзжіе борцы. А рядомъ съ площадью, гдѣ жилъ Зевсъ, на широкомъ полѣ у холма и рѣки устроены были ристалища, гдѣ могли развернуться пріѣзжіе борцы и бѣгуны, гдѣ былъ просторъ для могучихъ скакуновъ и рысаковъ; стадіемъ называлось мѣсто состязаній людей, ипподромомъ — мѣсто борьбы коней.

Весело и бойко шла жизнь въ Олимпіи въ лѣтніе мѣсяцы года состязаній. За много дней до начала игръ собирались всѣ, кто хотѣлъ оспаривать честь быть побѣдителемъ въ бѣгѣ или прыганіи, на скачкахъ или бѣгахъ. Нужно было отдохнуть послѣ долгаго пути, нужно было подготовиться къ рѣшительному дню, нужно было посмотреть на соперниковъ, нужно было представиться судьямъ, нужно было горячо и крѣпко помолиться Зевсу, чтобы далъ онъ побѣду. Ежедневно въ палестрѣ и гимназіи собиралась молодежь, веселые крики

ихъ оглашали берега Кладаея и отдавались отъ холма Кроноса. Рядомъ на полѣ ристаній ржали могучіе кони и перекликались бодрые и молодые возницы; стонъ стоялъ отъ шума колесницъ и отъ конскаго топота.

А кругомъ подходили и подъѣзжали паломники, за ними тянулись торговцы и лавочники, подвозили припасы, сколачивали лари, актеры и акробаты прилаживали свои подмости. И всё прежде всего шли къ Зевсу; куренія подымались на всѣхъ алтаряхъ, кровь жертвенныхъ животныхъ лилась.

Въ толпѣ пріѣзжихъ проходили знаменитые побѣдители прошлыхъ состязаній, собирали около себя кружки мыслители и поэты; сказатели эллинскихъ былинъ пѣли про героевъ старыхъ временъ и серьезные историки читали свои рассказы о далекомъ и близкомъ прошломъ Эллады.

Но вотъ наступала и великая недѣля, приближалось полнолуніе самага жаркаго мѣсяца года, когда спокойно море, когда можно спать подъ открытымъ небомъ, не боясь дождя и холода, когда ярко блещетъ солнце и рѣдки грозы. Съ ранняго утра десятаго дня луны всё были на ногахъ, вся масса народу толпилась у храмовъ. Мѣрное шествіе жрецовъ великаго бога къ древнему алтарю открывало праздникъ. Шли жрецы, шли посольства, вели богато украшенныхъ жертвенныхъ быковъ. Послѣ торжественнаго жертвоприношенія всё участники состязаній собирались около „великихъ судей эллиновъ“, чтобы показать себя имъ и заявить о томъ, въ какомъ состязаніи кто изъ нихъ приметъ участіе. А потомъ весело перекликались между собой глашатаи и трубачи, ища чести провозглашать на состязаніяхъ имена побѣдителей и порядокъ борьбы. Кто громче и яснѣе трубилъ, кто явственнѣе и чище, мелодичнѣе и звучнѣе выкликалъ, тотъ получалъ почетное право быть трубачемъ и глашатаемъ состязаній.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Цербетская принцесса.

VIII.

МОРОЗНОЕ ясное утро. Въ комнатѣ свѣтло, свѣтло.
— Вставай, Фикке,—будить Бабетъ.

Фигхенъ лѣниво открываетъ глаза. Видитъ разложенное на креслѣ платье, которое она надѣваетъ въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, и сразу подскакиваетъ на постели, точно резиновый мячикъ.

— Развѣ сегодня праздникъ?

— Никакого нѣтъ праздника,—отвѣчаетъ Бабетъ.

— А почему же приготовлено это платье?

— Такъ распорядилась ея высочество.

Странно что-то. Не въ праздникъ, и самое лучшее платье.

— Что случилось, Бабетъ?—добивается дѣвочка.

— Не могу ничего сказать. Не велѣно. Это секретъ.

У Бабетъ таинственное лицо.

Но Фигхенъ не отстаётъ. Бабетъ болтлива и всегда проговаривается, если къ ней хорошенько пристать.

— Скажите, миленькая. Ну, пожалуйста. Прошу васъ.

— Ужъ такъ и быть, скажу. Только никому ни слова. Обѣщаешь?

Фигхенъ торопливо киваетъ головой.

Бабетъ садится на кровать. Она и сама рада, что можетъ выговориться.

— Можетъ быть, у насъ сегодня будетъ въ гостяхъ самъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—таинственнымъ шопотомъ сообщаетъ она.

— Король?—вскрикиваетъ, вся блѣдная, Фикке.—Что вы говорите, Бабетъ!

— Ради Бога, только не кричи,— умоляетъ гувернантка.

— Это большой секретъ. И это еще не навѣрное, что онъ будетъ.

— Да кто сказалъ, что будетъ? И не здѣсь, вѣдь, король, онъ въ Берлинѣ.— Фигхенъ такъ взволнована, что у нея дрожатъ губы.

— Конечно, король живетъ въ Берлинѣ, но сегодня онъ въ нашемъ Штеттинѣ,— говоритъ Кардель.— Вѣдь, Штеттинъ только нѣсколько лѣтъ, какъ перешелъ къ нему отъ датчанъ, вотъ, королю и хочется осмотрѣть городъ.

— А кто сказалъ, что король будетъ у насъ въ гостяхъ?

— Сказалъ это онъ самъ господину коменданту, когда тотъ сидѣлъ у него какъ-то вечеромъ въ Берлинѣ въ числѣ друзей, приглашенныхъ курить трубку и пить пиво. Ну, а здѣсь, въ Штеттинѣ, все можетъ оказаться по другому. Не понравится Фридриху-Вильгельму что-нибудь въ городѣ или на смотру, и кончено. Ваша мать даже не хочетъ, чтобы знали, что ждутъ короля. Не выдавай же меня, Фикке.

Фикке кивнула головой. Не выдастъ. Ни о чемъ больше ей не хотѣлось спрашивать Кардель. И въ ней самой и кругомъ нея все точно заволокло туманомъ. Все, кромѣ одной мысли: — Короля увижу!

Въ это утро m-lle Кардель могла дѣлать все, что угодно со своей воспитанницей. Сегодня Фигхенъ была удивительно терпѣлива, и Бабетъ съ увлеченіемъ накручивала на горячіе щипцы темныя пряди прямыхъ и жесткихъ волосъ. Потомъ она долго устраивала какіе-то банты, расправляла пышные короткіе рукава, поправляла кружево на открытомъ лифѣ, что-то подшивала, закалывала. Готово!

И Фигхенъ умчалась, какъ выпущенная на свободу бабочка.

— Помни секретъ,—только успѣла ей крикнуть въ слѣдъ гувернантка.

Фигхенъ въ комнатѣ у матери. Иоганна-Елизавета въ самомъ простомъ платьѣ, и въ комнатѣ у нея все, какъ всегда. Нѣтъ, не совсѣмъ, какъ всегда. Если присмотрѣться, и мама чуть-чуть другая и все кругомъ, точно по другому. И обѣ онѣ, и она, и Кайнъ сразу подозрительно замолчали, когда Фигхенъ ворвалась въ комнату. А съ Кайнъ навѣрное что-то случилось. У нея и бантъ отъ чепца съѣхалъ на носъ, и фартукъ на боку. Она чѣмъ-то ужасно взволнована. Но видно по всему, что отъ нихъ ничего не добьешься. Секретъ!

Мама даже прямо сказала, что Фигхенъ ей мѣшаетъ.

Фикке ушла. Къ Вилли заглянула.

Странный мальчикъ! Сидитъ въ красномъ бархатномъ камзолѣ, въ новыхъ туфляхъ съ огромными золочеными пряжками, и преспокойно раскладываетъ кубики.

— Вилли, а почему у тебя сегодня такой воротничекъ?— спрашиваетъ Фикке.

— Какой такой?— Вилли косится на кружево на плечахъ.

— А такой, что фрейлейнъ Кайнъ его всегда держитъ подъ замкомъ. Рѣдко даетъ надѣвать. Только когда что-нибудь особенное, тогда вынимаетъ.

— Что же такого особеннаго? — Вилли говоритъ, какъ всегда, растягивая слова.— Она надѣла, я и не замѣтилъ.

— Не замѣтилъ!— Фигхенъ удивлена и возмущена.

— Тебѣ все равно,—набрасывается она на мальчика.

— Ай, ты мнѣ кубики спутала! Фрейлейнъ Кайнъ, фрейлейнъ Кайнъ!— кричитъ Вилли.

Но Фигхенъ уже и слѣдъ простыль.

Длинный, длинный залъ. Солнце ударяетъ въ окна, и ярко рдѣетъ красный шелкъ на мебели и занавѣсяхъ.

— Чахлы сняли,—соображаетъ Фигхенъ и оглядываетъ стѣны. Съ нихъ смотрятъ на дѣвочку предки.

Сегодня, среди пунцоваго, освѣщеннаго солнцемъ шелка даже суровый воинъ въ латахъ и черная аббатисса не кажутся такими темными и мрачными, какъ обыкновенно.

Фигхенъ останавливается среди зала и вдругъ, неожиданно для себя самой, дѣлаетъ глубочайшій реверансъ, громко произносить:—Король пріѣхалъ! и мчится, испуганная своими же словами, къ себѣ въ комнату, къ Бабетъ.

— Почему мама въ будничномъ платьѣ?

— Потому что король ненавидитъ наряды, — отвѣчаетъ француженка.

— А насъ съ Вилли зачѣмъ тогда нарядили?

— У васъ и нарядовъ-то никакихъ нѣтъ,—говоритъ Бабетъ.—А про короля рассказываютъ...

Но Фигхенъ знаетъ, что Бабетъ всегда готова рассказывать что-нибудь нехорошее про Фридриха-Вильгельма, а сегодня ей ничего дурнаго про короля не хочется слушать. Даже то, что уже успѣла рассказать Кардель, Фигхенъ старается забыть.

Она такъ ясно представляетъ себѣ короля: высокій, стройный, красивый, въ длинной красной мантии, отороченной горностаемъ. Мундиръ весь зашитъ золотомъ и, вмѣсто пуговиць, драгоценные камни.

Она сдѣлаетъ ему самый низкій, самый красивый реверансъ. Какъ жаль, что она бывала такъ невнимательна за уроками танцевъ. Но, если поклонъ и не вполне удастся, король все равно знаетъ, что она настоящая принцесса. Онъ будетъ говорить съ нею, какъ царь Московіи съ королевой Софіей-Шарлоттой и... и подаритъ ей чудесную табакерку! И тогда уже всѣ узнаютъ, что она самая настоящая принцесса. Только бы скорѣе онъ пріѣхалъ.

На урокахъ Фигхенъ ничего не понимаетъ и не слышитъ. Учителя въ отчаяніи.

— Вотъ такъ надо кланяться,—говоритъ учитель танцевъ. Это, слава Богу, уже послѣдній урокъ.

— Высочайшимъ особамъ дѣлается такой реверансъ... Фигхенъ низко, низко присѣдаетъ. Такой реверансъ она сегодня сдѣлаетъ королю.

А короля все нѣтъ.

Въ сумеркахъ къ дочери заходитъ Юганна-Елизавета.

У нея лицо усталое, усталое. Поправляя локоны Фигхенъ, она коснулась пальцами ея шеи.

Какіе холодные пальцы!

А въ глазахъ и у матери, и у дочери одинъ вопросъ:

— Приѣдетъ или нѣтъ? А вдругъ—нѣтъ?

Вилли уже заснулъ, а Фигхенъ, съ трудомъ сдерживая слезы, собиралась раздѣваться, когда по всему дому произошло:

— Король приѣхалъ!

Наконецъ-то!

У Фигхенъ сердце точно оборвалось. Это продолжалось секунду, а потомъ сразу ей стало такъ легко, такъ весело, какъ никогда.

— Король!

За спиной точно крылья выросли, а летѣть нельзя.

Бабетъ держитъ, расправляетъ банты, обдергиваетъ платье, приглаживаетъ волосы.

— А вдругъ, да не позовутъ?

Отъ этой мысли Фигхенъ вся холодѣетъ, но у Бабетъ ни о чемъ не спрашиваетъ. Говорить трудно.

Но вотъ, прибѣгаетъ запыхавшаяся Кайнъ. Лицо у нея все въ красныхъ пятнахъ.

— Фигхенъ, иди въ залъ! Король хочетъ тебя видѣть.

Дѣвочка бѣжитъ. Бабетъ едва поспѣваетъ за нею.

Знакомый залъ съ красной мебелью кажется чужимъ отъ непривычнаго яркаго освѣщенія.

Мать сидитъ на своемъ любимомъ креслѣ, гдѣ на спинкѣ нарисованы маркизы съ вѣерами, и съ любезной улыбкой разговариваетъ съ какимъ-то офицеромъ.

У нея довольное, сіяющее лицо.

У окна, скрытаго спущенной пунцовою занавѣскою, стоятъ нѣсколько военныхъ и вполголоса говорятъ о чемъ-то. Въ глубинѣ комнаты отецъ. Рядомъ съ нимъ тоже пожилой военный въ синемъ мундирѣ. Въ рукахъ у него трубка. Лицо толстое, блѣдное, хмурое, какъ будто чѣмъ-то недовольное лицо. На головѣ, вмѣсто парика, собственные жидкіе волосы собраны въ жалкую косицу.

Мама замѣчаетъ дѣвочку и машетъ ей вѣеромъ, чтобы она подошла поближе.

— Подойди къ королю,—говоритъ она ей, указывая на военнаго съ трубкой,—сдѣлай ему реверансъ и непременно поцѣлуй край его одежды.

И мама даже слегка подтолкнула Фигхенъ въ спину, чтобы она поторопилась. Но ноги у дѣвочки вдругъ сдѣлались сразу тяжелыми.

Это король! Фикке едва тащитъ ноги, подвигается впередъ, какъ черепаха, не спуская глазъ съ того, кто стоитъ рядомъ съ отцомъ.

— Реверансъ, реверансъ,—шепчетъ ей мать.

Фигхенъ машинально присѣдаетъ, какъ ее учили присѣдать высочайшимъ особамъ.

Ни гость, ни отецъ не замѣчаютъ маленькой дѣвочки. Разговариваютъ. Но у окна въ кучкѣ офицеровъ все видѣли.

Тамъ слышится сдержанный смѣхъ. Трудно удержаться отъ смѣха. Ужъ очень забавна Фигхенъ со своими вытаращенными глазами и глубочайшимъ реверансомъ.

А самой Фигхенъ не до смѣха.

Она такъ ждала, такъ радовалась, такъ весело ей было отъ мысли, что она увидитъ короля, и что же? Да, вѣдь, это хуже, чѣмъ Бабеть рассказывала: толстый, сердитый, безобразный, голова, точно рѣдька съ хвостикомъ.

Можетъ быть, мама только пошутила, что это король?

Можетъ быть, это только свита, а самъ король сейчасъ войдетъ, прекрасный, гордый, въ мантии, и въ рукахъ драгоценная табакерка.

— Что же ты стала, Фигхенъ?—шепчетъ мать,—иди скорѣй и поцѣлуй край одежды короля.

Лицо у нея дѣлается строгимъ, она не шутитъ. Ужъ скорѣй бы поцѣловать противный синій сюртукъ толстаго старика и убѣжать къ себѣ въ дѣтскую.

Фигхенъ подходитъ, протягиваетъ руку.

Но сюртукъ такой короткій, что она должна стать на цпочки, чтобы дотянуться.

— Какое потертое грубое сукно! Какъ неловко тянуться.

И вдругъ, сразу отдернувъ руку, дѣвочка бѣжитъ со всѣхъ ногъ назадъ къ матери и бросается головой въ ея колѣни.

— Мама, у короля такое короткое платье, что я не могу достать его рукой,—громкимъ шопотомъ говорить она.

И какъ разъ въ эту минуту король перестаетъ говорить. Онъ замѣтилъ дѣвочку.

— Это ваша старшая дочь, Христіанъ-Августъ? Что ты тамъ такое шепчешь, малютка?

— Она огорчена, что ей не удалось поцѣловать край одежды вашего величества,—спѣшитъ отвѣтить Юганна-Елиза-

вета. — Она еще такъ мала, — прибавляетъ она, извиняясь за дочь. Кругомъ смѣются. Должно быть, надъ Фигхенъ смѣются. А мама неправду говоритъ: Фигхенъ огорчена не тѣмъ, что не смогла поцѣловать противный короткій грубый сюртукъ, она огорчена тѣмъ, что король этотъ обманулъ ее, оказался совсѣмъ не такимъ, какого она ждала: старымъ, толстымъ, хмурымъ, безобразнымъ. Онъ одинъ виноватъ въ томъ, что такъ скучно и непріятно кончился этотъ свѣтлый, радостный день ожиданья. Лучше бы не пріѣзжалъ совсѣмъ!

Фигхенъ такъ больно, такъ стыдно, такъ обидно. Она поднимаетъ съ колѣнъ матери всклокоченную голову.

Всѣ банты на волосахъ встали дыбомъ.

Лицо блѣдное, злое. Острый подбородокъ такъ и торчитъ, а глаза, точно два гвоздика, впиваются въ добродушно улыбающагося Фридриха-Вильгельма.

— Развѣ ты такой бѣдный? — кричитъ она на весь залъ, пронзая Фридриха глазами-гвоздиками. — Почему же у тебя такое короткое платье?

Мама такъ и замерла съ раскрытымъ вѣеромъ въ рукахъ. И у Христіана-Августа лицо сразу стало такимъ испуганнымъ, какого Фигхенъ у него еще никогда не видала. И всѣ кругомъ тоже испуганы, смущены. Всѣ точно замерли.

Что-то будетъ?

И вдругъ, неожиданно для всѣхъ, король разсмѣялся. Отъ этого веселаго смѣха суровое лицо его точно посвѣтлѣло.

Всѣмъ сразу стало легче.

— Однако, она пресмѣшная дѣвчурка! — не переставая смѣяться, проговорилъ король. — И, кажется, очень занятная. Когда вы, Христіанъ-Августъ, привезете ее въ Берлинъ, непременно покажите мнѣ эту маленькую зубоскалку. — А маленькая зубоскалка, громко всхлипывая, рыдала на весь залъ, уткнувшись въ платье матери.

Король отнесся болѣе, чѣмъ милостиво къ выходкѣ дѣвочки, но совсѣмъ покойно на душѣ стало у всѣхъ только тогда, когда Юганна-Елизавета заторопилась отослать Фигхенъ въ дѣтскую.

— Что ты надѣлала? Что надѣлала?—повторяла безъ конца возмущенная Бабетъ. — Нечего сказать, отличилась! И какъ тебѣ пришло въ голову выкинуть такую штуку?

Но Фигхенъ ничего не отвѣтила ни на одинъ изъ вопросовъ. И на другой день она такъ же точно молчала, когда ее стали спрашивать про вчерашнее.

Кончилось тѣмъ, что всѣ отступились и оставили дѣвочку въ покоѣ.

— Ее просто измучилъ цѣлый день ожиданія — рѣшила Бабетъ,—въ душѣ упрекавшая себя за болтливость.

— Вотъ, что значить жить въ такомъ городѣ, какъ Штеттинъ,—думала Юганна-Елизавета.—У дѣвочки нѣтъ никакой привычки видѣть высочайшихъ особъ. Это слишкомъ волнуеть ее.

Всей правды о томъ, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ обидѣлъ Фигхенъ такъ никто и не узналъ.

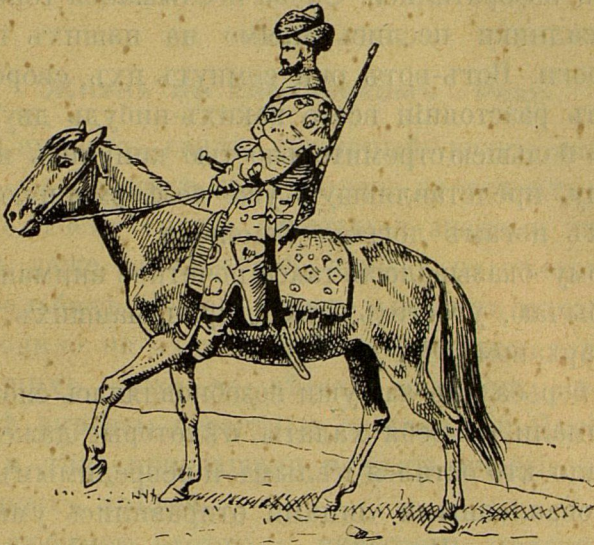
(Продолженіе слѣдуетъ).

На родинѣ первыхъ людей.

(Окончаніе).

ЕДВА успѣли наши пріятели податься нѣсколько назадъ, какъ дикая ватага поравнялась съ ними и набросилась на тушу барана, еще не успѣвшую остыть. Завязалась отчаянная борьба изъ-за ея обладанія. Люди, лошади — все смѣшалось вмѣстѣ въ кучу въ густомъ облакѣ пыли. Нѣкоторыя изъ лошадей упали, другія взвились на дыбы, третьи со страхомъ

попалились назадъ. Но всадники, крѣпко продолжая держаться въ сѣдлахъ, сразмаха перегибались туловищемъ къ землѣ и старались схватить добычу. Кое-кто свалился совсѣмъ, рискуя очутиться подъ копытами лошадей. Съ каждою минутою куча барахтавшихся въ общей свалкѣ росла все болѣе. Отставшіеся

Ажигитъ.

или вновь прибывающіе въ карьеръ неслись къ этой кишѣвшей и издававшей дикіе крики массѣ человѣческихъ и лошадиныхъ тѣлъ и съ гикомъ со всего разбѣга врѣзывались въ нее, увеличивая суматоху. А въ довершеніе всего, какой-то шутникъ верхомъ на якѣ съ острыми рогами, врѣзавшись въ эту свалку, произвелъ окончательное смятеніе. Якъ щекоталъ лошадей рогами, тѣ лягались, раздражая животное. Игра становилась опасной. Кто-то огрѣлъ нагайкой по спинѣ неумѣстнаго шутника; тотъ съ яростью бросился на обидчика. Другіе вступились. Дѣло готово было перейти въ драку. Но въ это

время, воспользовавшись минутнымъ замѣшательствомъ, одинъ изъ наѣздниковъ успѣлъ крѣпко ухватиться за тушу и, прижавъ ее правой ногой къ сѣдлу, вырвался изъ свалки и вихремъ понесся по долину. Всѣ бросились тотчасъ же слѣдомъ за нимъ и скоро исчезли вдаль, но черезъ нѣсколько минутъ вновь возвратились. Снова послышался топотъ копытъ по полю. Всадники неслись прямо на нашихъ героевъ, не разбирая дороги. Вотъ-вотъ они сомнутъ ихъ, своротить было некуда. Но въ разстояніи всего какихъ-нибудь двухъ шаговъ они еще съ большею стремительностью кинулись въ сторону, бросивъ тушу, представляющую уже безформенную массу, на этотъ разъ къ ногамъ лошади Семенова.

Тотъ, кому оказывалось такое почетное вниманіе, обязанъ былъ, по обычаю, угостить всѣхъ, принимавшихъ участіе въ байгѣ, „достарханомъ“ *).

Затѣмъ борьба изъ-за туши возобновлялась снова и снова. Многіе снимали съ себя халаты, нѣкоторые даже раздѣлись до пояса. Мало кто остался цѣлымъ и невредимымъ; большинство съ окровавленными лицами отправились умываться къ ближайшему ручью. Не мало оказалось также хромящихъ лошадей. Поле битвы было усыяно шапками и кнутами. Однако, никто не былъ серьезно раненъ или изувѣченъ. Киргизы опытные наѣздники.

Такъ какъ для нашихъ двухъ друзей была приготовлена отдѣльная кибитка, то вечеромъ, по окончаніи байги, всѣ, принимавшіе въ ней участіе, были приглашены Якубомъ и Семеновымъ въ гости на новоселье, и имъ былъ предложенъ роскошный достарханъ и ужинъ, за которымъ былъ поданъ прекрасный пилавъ, приготовленный руками Гафсы, сестры Якуба.

*) Десертъ изъ разныхъ фруктовъ и лакомствъ.

Кромѣ того, гостями было выпито безчисленное множество самаго отмѣннаго душистаго кумыса, какой только и возможно получить отъ кобылицъ, пасущихся на здѣшнихъ пастбищахъ. На сценѣ появились музыканты съ кобусами и зурнами, и молодежь пѣла пѣсни и веселилась до самаго утра.

XXXV.

Жизнь въ киргизскомъ «Раю».

Скоро Семеновъ свелъ обширный кругъ знакомствъ, и ихъ обоихъ съ Якубомъ каждый день нарасхватъ приглашали къ себѣ въ гости самые богатые и знатные киргизы. Онъ участвовалъ даже въ качествѣ дружки на нѣсколькихъ киргизскихъ свадьбахъ. Но болѣе всего у нашихъ молодыхъ друзей время проходило на охотѣ. Въ окружающихъ долину горахъ и въ лежащихъ ниже ея лѣсахъ водилось много всякаго звѣря, а всѣ киргизы страстные охотники, и Якуба съ Семеновымъ то и дѣло приглашали принять участіе въ охотѣ на тѣхъ или иныхъ звѣрей.

Самую любимую охотою у киргизовъ является охота съ ручными птицами: орлами, беркутами, соколами, ястребами и проч. Эта охота у нихъ въ такомъ же почетѣ, какъ въ древнее время была въ почетѣ у нашихъ бояръ и князей охота соколиная.

Хорошая охотничья птица составляетъ гордость богатаго киргиза; слава о ней идетъ далеко по степи, и многіе пріѣзжаютъ за сотни верстъ, чтобы посмотрѣть на ея удалъ. Такія птицы цѣнятся дорого. Ручной ученый беркутъ, напимѣръ, оцѣнивается въ пять, шесть и болѣе верблюдовъ; а нѣкоторые киргизы-охотники такъ привязываются къ своимъ пернатымъ друзьямъ, что цѣнятъ ихъ дороже скота и жилища.

Пригласивъ въ гости друзей и знакомыхъ, богатый охотникъ-киргизъ садить ученаго беркута на луку своего сѣдла и ѣдетъ съ гостями на охоту. Вотъ, они завидѣли волка или лису. Хозяинъ сдергиваетъ колпачекъ, прикрывающій глаза птицѣ, приподнимаетъ ее на рукѣ такъ, чтобы она видѣла звѣря и пускаетъ на волю. Тяжело взмахнетъ крыльями

Молодой киргизъ.

проголодавшійся беркутъ и пойдетъ на кругахъ все выше и выше. Вотъ, онъ нацѣлилъ на звѣря и стрѣлою упалъ внизъ. У зрителей замеръ духъ. Беркутъ, запустивъ когти одной лапы въ голову звѣря, а другой въ его крестецъ, сначала выклюетъ ему глаза и затѣмъ сильными ударами клюва добываетъ его. Восхищенный хозяинъ мчится во весь духъ къ нему на помощь и доканчиваетъ звѣря.

Холить и гладить послѣ этого хозяинъ свою птицу и

даетъ ей въ награду лучшій кусокъ добычи.

Однажды Якубъ, въ приливъ особеннаго расположенія и дружбы къ Семенову, сказалъ ему:

— Слушай, Семеновъ, ты когда-то спасъ меня отъ когтей тигра, и я этой услуги никогда не забуду. Хочешь сдѣлаться моимъ тамыромъ?

Обычай тамырства у киргизовъ состоитъ въ томъ, что желающіе сдѣлаться друзьями на всю жизнь, обнимаются другъ съ другомъ черезъ обнаженную саблю, держа ее на

голой груди, и даютъ клятву быть вѣрными навсегда другъ другу. При этомъ каждый изъ заключившихъ дружбу обязуется помогать въ трудныхъ обстоятельствахъ своему тамыру. Тамыръ можетъ требовать у тамыра всякой услуги. Онъ имѣетъ даже право пріѣхать къ нему во всякое время и объявить ему калау (запретъ) на любую понравившуюся ему вещь, которую тамыръ тотчасъ же обязанъ безпрекословно отдать ему. Если же послѣдуетъ отказъ, это считается кровной обидой, дружба разрывается и никогда уже не можетъ быть возобновлена. Послѣдствіемъ этого часто бывають кровавая вражда, баранта *) и даже убійства.

Семеновъ зналъ этотъ обычай и потому, не колеблясь, отвѣтилъ:

— Дружище Якубъ! Я тебѣ многимъ обязанъ и готовъ, въ случаѣ надобности, пожертвовать для тебя всѣмъ, даже жизнью. Я радъ заключить съ тобой дружбу по вашему киргизскому обычаю.

Въ тотъ же день пріятели, въ присутствіи Барлыбая, Ахмета и другихъ многочисленныхъ свидѣтелей, совершили обрядъ тамырства, и по этому случаю опять было устроено пиршество въ кибиткѣ нашихъ друзей-тамыровъ, продолжавшееся цѣлую ночь.

XXXVI.

Возвращеніе.

Быстро и незамѣтно летѣло время въ киргизскомъ „Раю“. Прошелъ и іюль мѣсяцъ, и Барлыбай напомнилъ нашимъ друзьямъ, что въ гимназіи скоро должно начаться ученіе, и имъ пора подумать о возвращеніи въ Вѣрный.

*) Взаимный угонъ скота.

Жаль было Семенову разстаться съ этимъ добродушнымъ, веселымъ и гостепримнымъ народомъ, среди котораго онъ провелъ столько счастливыхъ дней, но всему бываетъ конецъ.

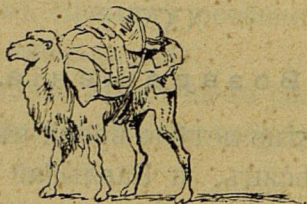
Изъ Алайской долины друзья должны были верхами на лошадахъ ѣхать черезъ переваль Тенгисъ - бай, затѣмъ спуститься по ущелью живописнѣйшей рѣки Исфайрану въ Маргеланъ, а оттуда слѣдовать на прогонахъ до Вѣрнаго уже по большой дорогѣ.

Провожать нашихъ друзей вызвалась почти вся окрестная молодежь, которая сопровождала ихъ шумною, веселою толпой вплоть до самаго Маргелана, отстоящаго верстахъ въ полтора-растахъ отъ Алайской долины. Но что значить для киргиза полтора-раста верствъ, когда онъ часто ѣдетъ гораздо дальше, чтобы только попить кумысу у своего пріятеля?

Къ началу занятій молодые путешественники были уже въ Вѣрномъ. Оба они страшно загорѣли и возмужали, въ особенности Семеновъ.

И, конечно, ни одинъ изъ товарищей по гимназіи не могъ рассказать столько интереснаго о своихъ лѣтнихъ приключеніяхъ, какъ Семеновъ съ Якубомъ.

П. Инфантьевъ.

Жизнь Хитролиса.

Приключеніе двадцать второе.

Какъ Хитролисъ покинулъ королевскій дворъ съ Бэлэномъ и Сѣроскокомъ, и какъ Бэлэнъ вернулся ко двору одинъ.

ПРЕСТУПНИКИ въ тюрьмѣ, и мы теперь спокойны,“
Промолвилъ Благородь. „Ты, Хитролисъ достойный,

Сумѣлъ вернуть къ себѣ довѣріе, любовь.

Чтобъ поднести свой даръ, иди и все готовь.“

И Хитролисъ пошелъ, толпою окруженный,

Рѣсницы опустивъ, и радостно-смущенный.

Со всѣхъ сторонъ неслись привѣты, поздравленья...

Остановились всѣ въ послѣднее мгновенье,

И молвилъ Хитролисъ: „Вы всѣ полны любви,

Не согласятся ли меня до Мопертви

Хоть двое изъ друзей любезно проводить,

Чтобъ все моей женѣ подробно сообщить?

Я былъ бы очень радъ, а путь, вѣдь, не далекъ.

Вотъ, напримѣръ, Бэлэнъ и милый Сѣроскокъ;

Они нѣжны, кротки, добры—сама любовь,

Ѣдятъ траву, цвѣты, не пьютъ живую кровь.

Въ соблазнъ они меня, конечно, не введутъ,

Такъ пусть со мной пойдутъ.“

Бэлэнъ и Сѣроскокъ не очень были рады,

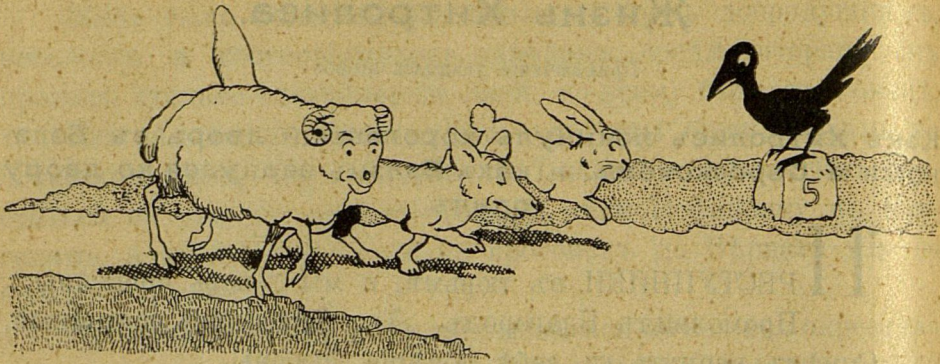
Бросали на звѣрей испуганные взгляды,

Но Мохоѣдъ сказалъ: „Да что вы, въ самомъ дѣлѣ!

Вы оба до сихъ поръ вести себя умѣли.

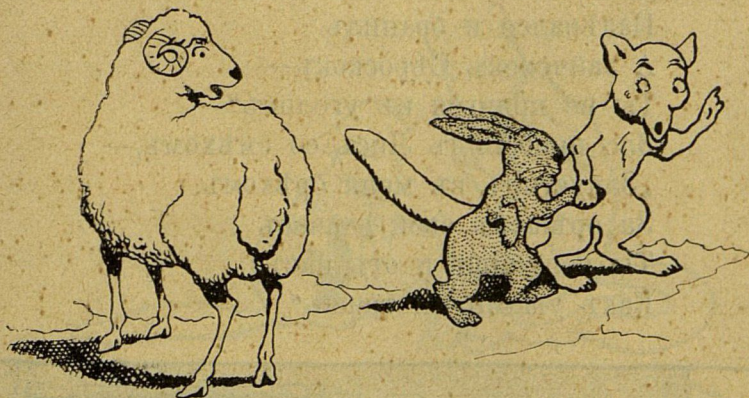
Вамъ оказали честь, а не берутъ васъ въ плѣнъ.“

И въ путь отправились зайченокъ и Бэлэнъ.

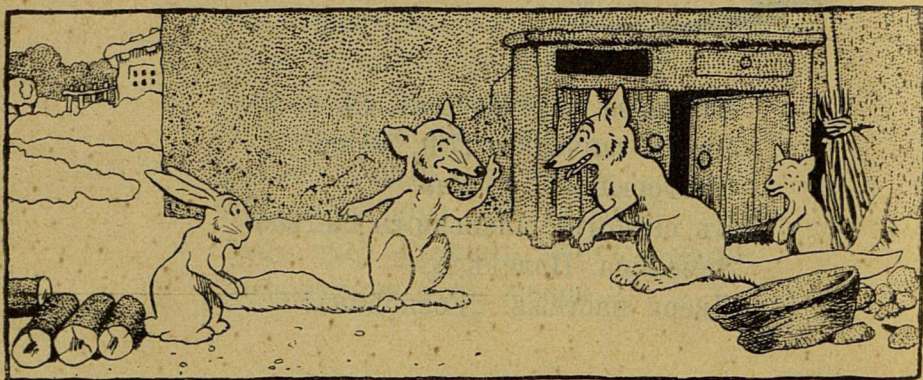
Вотъ пришли. Въ травѣ нога
Тонеть. Множество цвѣтовъ.
Указавъ имъ на луга,
Хитролись сказаль: „Готовъ
Я все это вамъ отдать,
Чтобъ могли вы наслаждаться,
Травку нѣжную щипать,
На цвѣтномъ коврѣ валяться.
Ты, Бэлэнь, другъ милый мой,
Вѣдь, къ плохой ѣдѣ привыкъ:
Все колючки, мохъ сухой,
Имъ натрешь себѣ языкъ.
Травки свѣженькой порви
Тутъ безъ всякаго смущенья:
Я хозяинъ Мопертви,
И луга—мой владѣнья.
Ты же, милый Сѣроскокъ,
Прямо въ домъ иди со мной.
Тамъ насъ Рыжикъ ждетъ сынокъ,
Познакомлю и съ женой.

Ты рассказъ свой приготовь,—
Вотъ-то жадно будутъ слушать!
Ты же сочную морковь,
Рѣчь окончивъ, станешь кушать.
Есть и яблоки у насъ,
Будетъ ихъ такъ сотни три,
Сдѣлалъ я къ зимѣ запасъ.
Что захочешь—все бери.
Вволю вкусныхъ, сладкихъ смѣнь...
Вотъ у этого забора,
Онъ прибавилъ, „другъ Бэлэнь,
Ты насъ жди, вернемся скоро.
Съроскокъ, идемъ, идемъ!“

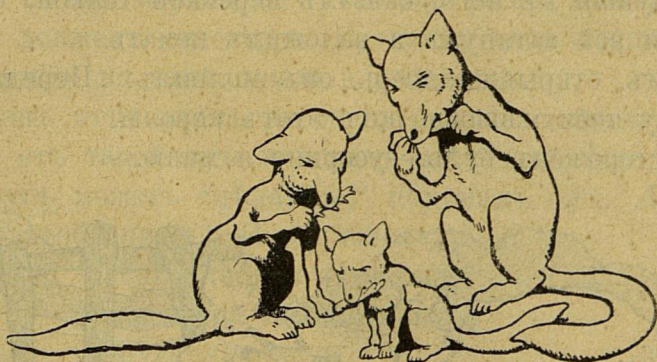

Взявъ за лапочку, онъ въ домъ
Ввелъ зайченка. „Эй, жена!“
Пригорюнясь, у окна
Съ сыномъ маленькимъ сидѣла
Эрмелина. Полетѣла,—
Двери настезь. „Господинъ!“

Дорогой мой властелинъ,
Повелитель ненаглядный!“
Тошій, маленькій, нескладный
Сзади Рыжикъ выступалъ
И отъ радости пищалъ.
„Сразу все не рассказать.
Лишь одно должны вы знать:
Оправдался я вполнѣ.
Снова милостивъ ко мнѣ
Нашъ король. Ну, а сначала
Все собраніе кричало,
Будто множество измѣнъ
Я свершилъ. Баранъ Бѣлѣнъ.
Даже тотъ копытомъ билъ,
Издѣвался и бранилъ.
А зайченокъ Сѣроскокъ—
Ты не прячься въ уголокъ“—
Зло прибавилъ Лисъ со смѣхомъ,—
„Запустилъ въ меня орѣхомъ.
За орѣшекъ свой сейчасъ
Ты получишь и отъ насъ,
Какъ ушами ни тряси.“

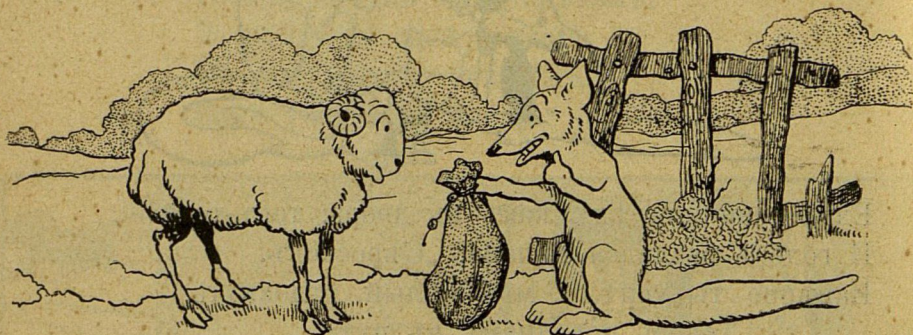

„Заступись, Бэлэнь, спаси!“
Крикъ раздался Сѣроскока,
Но Бэлэнь гуляль далеко.
Тихо, жалобно и тонко
Въ лугъ донесся пискъ зайченка
И замолкъ. Ударъ зубовъ—
И зайченокъ былъ готовъ.
Въ мигъ супруги разодрали
Мясо, кости разломали
И, отдавши сыну часть,
Сами гостя съѣли въ сласть.
Сынъ пищаль, глoday кости:
„Если бъ чаще были гости!“

Едва окончили ѣду, какъ въ дверь: токъ-токъ!
И голосъ раздался Бэлэна: „Сѣроскокъ,
Навѣрно ты успѣлъ, мой милый, отдохнуть,
Теперь пора намъ въ путь.
Туманъ ужъ забѣлѣлъ, а я плохой ходокъ.
Бѣжимъ же, Сѣроскокъ!“
„Ты подожди, Бэлэнь, сейчасъ тебѣ сткрою,“
Отвѣтилъ Хитролись, „а зайчика въ покоѣ,

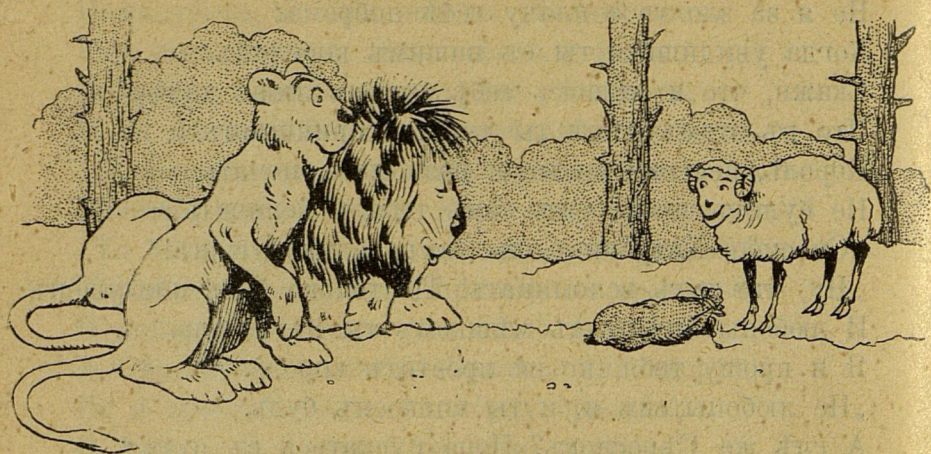
Пожалуйста, оставь: еще не поздній часъ,
Ему такъ хорошо, такъ весело у насъ.
Морковки сочныя онъ вкусно уплетаетъ
И съ нашимъ Рыжикомъ кубарики пускаетъ.“
„Но показалось мнѣ, какъ будто бы онъ звалъ:
„Бэлэнь, спаси меня!“ Вѣдь это онъ кричалъ“?
„То было, милый другъ, лишь недоразумѣнье:
Увидѣвши меня, жена пришла въ волненье
И волновалась такъ, что стало худо ей,
А Сѣроскокъ кричать:—Бэлэнь, иди скорѣй!
Но я принесъ воды, ей морду оросилъ,
И вновь она полна и радости, и силъ.“
Взялъ Хитролисъ мѣшокъ и, голову зайченка
Засунувши въ него, связалъ веревкой тонкой,
Ремни всѣ затянулъ и наложилъ печать.
Потомъ, открывши дверь, онъ молвилъ: „Передать
Прошу тебя мѣшокъ вотъ этотъ королю,
Но остороженъ будь,—усердно я молю.—

Бумаги въ немъ лежать. Ты не ослабь ремни,
Не разломай печать и очень не тяни.
Здѣсь всѣ сокровища описаны подробно.
Отнесся утромъ ты ко мнѣ довольно злобно,

Но я за зло твое плачу тебѣ добромъ:
Когда увидишься ты съ нашимъ королемъ,
Скажи, что я мѣшокъ тебѣ затѣмъ лишъ далъ,
Что въ этомъ дѣлѣ ты участие принималъ.
Король, веревку снявъ и разломавъ печать,
Не будетъ знать, ужъ какъ тебя и величать.“
„Спасибо, Хитролисъ, ты такъ великодушень!“
„Ну, что тутъ вспоминать! Ты только будь послушень
И любопытничать съ мѣшкомъ ты не изволь.
Я и прощу тебя, но не проститъ король.“
„Не любопытень я, и ты спокоень будь.
А гдѣ же Сѣроскокъ? Пора пускаться въ путь.“
„Бэлэнъ, ужъ я просилъ: оставь его въ покоѣ.
Онъ съѣлъ морковокъ тутъ количество такое,
Что долженъ отдохнуть. Пускай у насъ поспитъ,
А завтра на зарѣ домой и побѣжить.“
Бэлэнъ итти одинъ не очень былъ доволенъ.
„Но отъ такой ѣды и впрямь зайченокъ боленъ
Вдругъ можетъ сдѣлаться,“ подумалъ онъ. „Покой
Ему необходимъ.“ И поплелся домой.

Средь тишины туманной
Въ одеждѣ звѣздотканной
Испуганная ночь
Бѣжить отъ солнца прочь.
Полями, черезъ долъ,
Бэлэнъ идетъ. Пришелъ.
Бесѣдой занята
Высокая чета.
Король сидитъ налѣво,
А справа королева.
„Привѣтъ вамъ, властелинъ!“

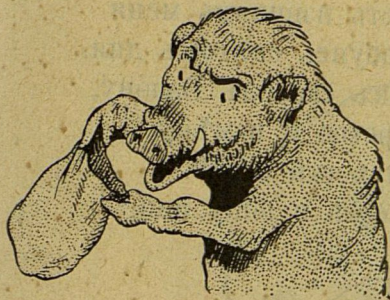

„Ты почему одинъ?
А гдѣ же Съроскокъ?
Завязанный мѣшокъ
Откуда этотъ взять?“
„Въ немъ, государь, лежатъ
Здѣсь разныя записки
И всѣхъ сокровищъ списки.
Самъ Хитролисъ писалъ,
Другіе не умѣли.
Ему я помогаль
Усердно въ этомъ дѣлѣ.“
„Скорѣй, скорѣй, скорѣй
Зовите всѣхъ звѣрей!
Я просто умираю,
Такъ все узнать желаю!“
Взревѣла королева,
И тотчасъ справа, слѣва
И зовъ, и крикъ, и стукъ
Копытъ. „Любезный Хрюкъ,

Мы можемъ и начать.

Сперва сломи печать.“

Кабанъ своимъ клыкомъ веревку снялъ преловко.
И разстегнулъ ремни. „Что значить? Тутъ головка
Ушастая лежитъ... здѣсь скрыто преступленье!“

Всѣ бросились смотрѣть,
произошло смятенье.

„Скажите, кто же такъ
могъ поступить жестоко:

Вѣдь, это голова
зайченка Сѣроскока!“

Король рычалъ:

„Вотъ, ты принесъ какіе списки
Отъ этого лгуна,
злодѣя Хитролиски

И хвасталъ, что помочь другіе не умѣли,

И ты помогъ одинъ въ прекрасномъ этомъ дѣлѣ!“

Бэлэнь дрожалъ, какъ листъ. Едва стояли ножки.

Къ землѣ онъ опускалъ закрученные рожки.

„Я не виновень, нѣ-ѣ-ѣтъ,“ рыдая, онъ твердилъ.

„Жестокій Хитролисъ! Я зайчика любилъ.

Какъ могъ онъ мнѣ-ѣ-ѣ, мнѣ-ѣ-ѣ дать нести такой
мѣ-ѣ-ѣшокъ!..

Мой бѣ-ѣ-ѣдный сѣ-ѣ-ѣрый другъ, бѣ-ѣ-ѣгунъ мой
Сѣ-ѣ-ѣроскокъ!“

„Опять я поддался коварному обману.

О, вѣрить Рыжему ужъ больше я не стану.“

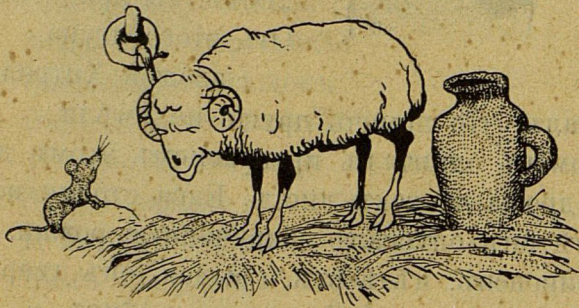
Ревѣль король. „Увы! вредъ дѣлать можетъ многимъ

Мой легковѣрный нравъ. Съ зайченкомъ быстроногимъ

И съ лучшимъ изъ гонцовъ проститься долженъ я,

И этому виной довѣрчивость моя.“

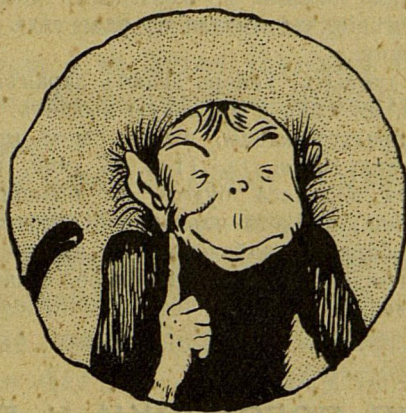
„Полна моя душа на Хитролиса гнѣва,
Взглянувши на мѣшокъ, вздохнула королева.
„Зайчиха-мать страдать какъ будетъ неутѣшно!“
„Почтенный Мохоѣдъ,“ сказалъ король, „поспѣшно,
Въ мгновенье отопри подземную тюрьму,
Тамъ Изенгринъ и Буръ. Къ несчастью моему,
Жестокъ я съ ними былъ, пусть извинятъ меня
И вольный воздухъ пьютъ, любуясь свѣтомъ дня.
А ты, ничтожнѣйшій“, онъ такъ сказалъ Бэлэну,
„Не могъ придумать ты коварство и измѣну
И былъ виновенъ лишь по глупости своей.
За глупость попостись въ тюрьмѣ и воду пей.“

И, гривую встряхнувъ, король прибавилъ строго:
„Теперь достойнаго мы просимъ Реворога
Изъ храбрыхъ рыцарей внушительную рать
Немедленно собрать.
Кто жаждетъ подвига, того сюда зови
И, съ войскомъ окруживъ усадьбу Мопертви,
Ея хозяина живымъ не выпускайте.
Все можете тамъ сжечь, стрѣляйте, разрушайте.
Чтобъ Лиса на землѣ живымъ я не видалъ.
Идите. Я сказалъ.“

„Сказать-то ты сказалъ, да Хитролись опять
Всѣхъ за носъ проведетъ, его вамъ не поймать.“
Гримасы дѣлая, шептала Хитролазка,
„И вновь про „Бѣлаго бычка“ начнется сказка.“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти отовсюду.

Лунное затмѣніе. Луна движется вокругъ земли и вмѣстѣ съ землей еще и вокругъ солнца.

Во время этого движенія луна иногда попадаетъ въ тѣнь земли, и тогда происходитъ лунное затмѣніе.

Въ древнія времена люди не знали, почему вдругъ ясная полная луна покрывалась мракомъ часа на два и болѣе. Они думали, что нечистая (темная) сила хочетъ похитить луну и старались пугать этихъ темныхъ духовъ: стрѣляли изъ ружей, колотили палками по желѣзнымъ доскамъ, били въ бубны. А когда кончалось затмѣніе, устраивали на радостяхъ пиръ, увѣренные, что освободили и спасли луну.

Теперь этого не думаютъ. Теперь знаютъ заранѣе, въ какой день, часъ и минуту луна войдетъ въ тѣнь и въ какую выйдетъ.

Такъ, всѣ были предупреждены, что въ ночь съ 3 на 4 ноября луна начнетъ покрываться полутѣнью въ 11 ч. 47 мин. ночи, совершенно закроется въ 1 ч. 56 мин. и 2 часа будетъ въ полной тѣни, потомъ около 5 час. утра (4 ч. 57 мин.) выйдетъ изъ земной полутѣни.

Многіе ученые собирались наблюдать это явленіе и не спали ночь, но, къ общей досадѣ, густыя облака заслонили небо, и затмѣніе луны совершилось невидимо для людей.

Народныя поговорки и примѣты на ноябрь.

Введенье пришло—зиму принесло.

Бываетъ, что и Введенье ломаетъ леденье.

Введенскіе морозы рукавицы на мужика надѣли, стужу установили, зиму на умъ наставили.

Загадка № 17.

Начало летаетъ,

Конецъ утверждаетъ,

А все для одной стороны

Ужасно и тяжело во время войны.

Отъ кохторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальныя деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ

съ пересылкой и доставкой

3 руб.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 г. Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. веѣ разошлись.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1911** годъ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манаскина.*